

страненным «посечен»: «...луче бы посеченым пасти, а не полонянымъ въспѣти от поганыхъ»;¹ «...лучьжи ш бы нам, господине, посеченым быти, нижели полоненым быти от поганых татар».² Механически, как архаизм, «потяти» было перенесено в список Ундольского (середина XVII века): «Лутчи бы нам потятым быти, нежели полоненым от поганых татаръ».³ В южных диалектах «потяти» — «посрубливать» сохранилось и в конце XIX века⁴ (ср. в современном польском языке «rosiać» — «перерезать», «изрезать»).

В две последние редакции «Задонщины» — списки Ундольского и Синодальный XVII века — писцы перенесли слово «ратай» из «Слова о полку Игореве»: «И в то время по Рязанской земле около Дону ни ратаи, ни пастухи в полѣ не кличют»⁵ (ср. «Слово»: «Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть»). В значении пахаря, земледельца «ратай» в XII веке было общеупотребительным. В начале XVII века, а может быть и раньше, оно обнаруживает тенденцию к утрате. Во второй половине XVII века мы уже не встречаем этого слова в литературных памятниках, кроме фольклора (в котором архаическая традиция, как известно, дольше сохраняется), а также северных русских говоров: архангельского, новгородского, олонечского. Таким образом, в середине XVII в., когда слово «ратай» было вписано в «Задонщину», оно уже представляло собой архаизм или диалектизм.

В «Слове о полку Игореве» лишь один раз упоминается «христьяны»: «Здрави князи и дружина, поборая за христьяны на поганья плъки».⁶ В «Задонщине» употребление этого слова вполне соответствует истории его бытования на Руси. На русской почве название «христианин» = «приверженец веры в Христа», заимствованное из Византии, контаминировало со словом «крест», что дало в результате новую форму «крестьянин». В XV веке значения этих форм разделились. «Крестьянин» начинает обозначать русского земледельца, заменив собой «смерд» и «сельчанин».⁷ Однако превращение этих форм в два разных слова произошло постепенно; лишь к началу XVIII века в литературных памятниках исчезает смешение «христианин» и «крестьянин» в значении последователей христианской религии. В «Задонщине» в ранних списках используется форма «крестьянин»: «...а рѣку Дон кровю пролемъ за землю рускую и за вѣру крестьянскую».⁸ В списке Ундольского (XVII век) замечается колебание этих форм, и, наконец, в самом позднем, Синодальном, списке окончательно побеждает церковное «христианин», «христианский».

«Конь» фигурирует в обоих памятниках только в значении боевого коня. В «Слове о полку Игореве» везде встречается форма живого, народного языка — «комонь». В ранней редакции «Задонщины», Кирилло-Белозерской (XV век), употребляются две формы этого слова — «конь» (общеупотребительное) и «комонь»: кони ржутъ на Москвѣ»,⁹ «сядемъ, брате, на свои борзи комони»¹⁰ (ср. в «Слове»: «а всядемъ, братие, на свои бръзья комони»)¹¹. Еще один раз «комони» встречается в списке

¹ Труды ОДРЛ, VI, стр. 240. Список ГИМ (Сборник № 2060).

² Там же, стр. 253, Синодальный список.

³ Там же, стр. 246.

⁴ Ф. Пискунов. Словарь живого народного письменного и актового языка русских южан Российской и Австро-Венгерской империи. Изд. 2-е, Киев, 1882, стр. 207.

⁵ Труды ОДРЛ, VI, стр. 247, Список Ундольского; стр. 253, Синодальный список.

⁶ Сл. о п. Иг., ЛП, стр. 31.

⁷ См.: П. Я. Черныш. Историческая грамматика русского языка. М., 1952, стр. 285

⁸ Труды ОДРЛ, VI, стр. 238, Список ГИМ (Сборник № 2060).

⁹ Там же, стр. 233, Кирилло-Белозерский список.

¹⁰ Там же, стр. 234.

¹¹ Сл. о п. Иг., ЛП, стр. 10.